

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Глобализация и ее трактовки.....	21
1.1. Проблемы типологии и типы современного теоретического дискурса.....	26
1.2. Методологический анализ академических исследований и интерпретаций глобализации.....	85
1.3. Глобализация как объект междисциплинарного и социально-философского исследования	118
Глава 2. «Нация» и «национализм».....	130
2.1. Эволюция понятия «нация» и его современные трактовки	131
2.2. Понятие, исторические типы и виды национализма.....	168
2.3. Социально-философская интерпретация национализма: классическая и неклассическая версии социального конструктивизма	192
Глава 3. Глобализация: формирование наций и национализма в Европе	207
3.1. Проблема периодизации глобализации.....	207
3.2. Исторические стадии и исторические формы глобализации	213
3.3. Европейский вектор глобализации: раннегосударственные и имперские формы социальной интеграции	221
3.4. От Европы «народностей» к Европе «наций» и «национализма».....	244
Глава 4. Евро-атлантическая глобализация и национализм в XIX — первой половине XX столетия	269
4.1. Колониализм и империализм как превращенные формы государственного национализма	269
4.2. Этнический национализм как контртенденция вестернизации и империализма.....	286

Глава 5. Глобализация и национализм	
в современном мире	300
5.1. Современная глобализация: новые тенденции	301
5.2. Диалектика глобализации и национализма	326
5.3. Национальные формы глобальных стратегий	356
5.4. Угрозы демократии в глобализирующемся мире.....	369
Заключение	388

Введение

Обозревая многовековую историю человечества, порой приходишь к неутешительным выводам. Покорив эвересты научно-технического прогресса и обретя небывалую власть над природой, народы и государства в подавляющем большинстве так и не научились строить социально-политическое и естественное пространство собственного обитания и взаимоотношения на основе разума и нравственности, предвидеть ближайшие и отдаленные последствия своих действий. Правда, еще в последней четверти XX века некоторые искренне считали, что вековые надежды на достижение человечеством стадии толерантного единства, верховенства разумности и гуманности начинают сбываться. Эти надежды связывали с процессом глобализации, который представлялся многим ученым и политикам важнейшим фактором устранения постоянных конфликтов и интеграции человечества. Казалось бы, формирование международных рынков, «свободное движение» капиталов (экономических, политических, символических), увеличение потоков информации, мигрантов и туристов, образование транс-, интер- и наднациональных финансовых, экономических и политических институтов должны были бы сплотить народы и страны в некую глобальную целостность. Но вскоре выяснилось, что глобализация не только не разрушает, но и консервирует планетарную иерархию народов и наций. Противоречия между различными этносами, нациями, государствами, между национальными государствами и международными властными структурами, между крупнорегиональными сообществами, между межгосударственными стратегическими объединениями и блоками не исчезают, а обостряются. Процессы глобализации в финансово-информационной сфере вторгаются в область прерогатив национальных государств, а ее очевидные, прежде всего экономические, преимущества для нескольких развитых стран для многих других оборачиваются значительными потерями, вызывая защитную реакцию противодействия. Элиты стран второго, третьего и четвертого мира стремятся использовать мобилизационные идейно-политические возможности национальных государств, главной из которых был и остается национализм. В свою очередь, и в странах первого мира почти

повсеместно растет недовольство инокультурными иммигрантами, наплыв которых даже в США рассматривается как угроза «национальной идентичности»¹.

Становясь все более взаимосвязанным, человечество продолжает оставаться разделенным по многим параметрам. Ситуация складывается таким образом, что набирающий силу процесс глобализации, с одной стороны, проблематизирует дальнейшее существование национальных государств как наиболее распространенной институциональной формы общежития, а с другой — стимулирует рост их активности, вызывает противодействие глобализации этнических, религиозных, культурных, политических и иных меньшинств, движений и организаций. В этой связи «гиперглобалисты» говорят о грядущих «постнациональном государстве», «сетевом обществе» или «глобальной империи». В противовес им «скептики» и антиглобалисты заявляют, что национальное государство не исчерпало свой исторический ресурс, и требуют возврата назад, к международному общежитию, субъектами которого были бы не транс-, интер- и наднациональные институты политической, экономической и культурной сфер жизни, а, как и прежде, суверенные национальные государства или не имеющие государственности этносы и нации. Тем самым национализм как форма выражения национального (государственного) суверенитета и как политический принцип суверенизации этносов в статусе «наций» продолжает себя в качестве тенденции (и фактора) современного исторического развития, реализующейся в сложном взаимодействии с глобализацией человечества.

Каким же образом теоретически и исторически связаны между собой национализм и глобализация, и действительно ли в обозримом будущем мироустройство суверенных национальных государств «уступит место мироустройству глобального сообщества открытых друг другу наций»², эволюционирующему, как считают многие, в направлении к «глобальной демократии» и «глобальному гражданскому обществу»? Дать

---

¹ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.

² Толстоухов А. В. Глобальный социальный контекст и контуры экобудущего // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 49.

обоснованные ответы на эти и некоторые другие вопросы — сверхзадача этого исследования.

В теоретическом плане ее достижение осложняется тем, что в научном сообществе нет единства взглядов на природу, формы, характер и направления эволюции ни «глобализации», ни «наций» (и «национальных государств»), ни «национализма». Соответственно, нет и общепринятых концепций указанных исторических феноменов, и тем более работ, специально исследующих эволюцию их взаимодействия (диалектику) в прошлом и настоящем. Более того, в литературе глобализация и национализм, как правило, интерпретируются как не связанные между собой и даже противостоящие друг другу исторические явления: глобализация рассматривается как недавно возникшая тенденция к экономической и политической интеграции народов и стран, а национализм — как многовековая разъединяющая их идеология и практика. При таком взгляде совершенно невозможно понять почему, например, общепризнанные акторы современной глобализации (США, Великобритания и др. страны) одновременно являются отчаянными националистами, отстаивающими «национальные интересы» своих народов и корпораций в любой точке мира. Зато интуитивно ясно, что вынесенная в заглавие тема относится к числу тех междисциплинарных проблем, осмысление которых осуществляется в пределах сложных и весьма разнообразных онтологических ландшафтов, в границах которых понятия «глобализация» и «национализм» меняют свое содержание вплоть до противоположного. В значительной мере это связано с историческими особенностями разработки темы и появления термина «глобализация».

Последний был введен в научный оборот лишь в 1961 году и с тех пор, вплоть до второй половины 1980-х, в качестве особого концепта в академических исследованиях не использовался. О глобализации как особом явлении и характеристике мирового развития интенсивно стали писать после краха СССР и «мировой системы социализма», оцененных как очевидное свидетельство победы западной (неолиберальной) модели экономического и политического развития. После этого термин «глобализация» стал систематически использоваться и употребляться, прежде всего в этом — неолиберальном — значении.

Одновременно, по мере накопления информации, росло и число тех, кто, не считая глобализацию феноменом последних десятилетий, помещал ее в более широкий социальный, экономический, политический или социокультурный контекст истории человечества. Именно это интеллектуальное направление, первоначально связанное с именами И. Валлерстайна, Э. Гидденса, В. Мура, Ф. Лехнера и Р. Робертсона, заложивших основы «новой социологии глобализации», было и остается, по нашему мнению, наиболее важным и перспективным.

Его историческими предшественниками были И. Кант, К. Маркс, Вл. Соловьев, Э. Леруа, П. Тейяр де Шарден, В. И. Вернадский, А. Тойнби, Б. Рассел, К. Ясперс и некоторые другие мыслители, каждый по-своему и в свое время обосновывавшие гипотезу становления «объединенного человечества». Но основоположниками осмысления собственно глобализации, оспаривавшими между собой пальму первенства в разработке глобализации как особого теоретического концепта, принято считать В. Мура, Ф. Лехнера, Р. Робертсона и Э. Гидденса, заложивших, по мнению М. Уотерса, вместе с И. Валлерстайном, хотя и с разных теоретических позиций, основы «новой социологии глобализации»: доктрины, связывающей появление и развитие глобализации со становлением всемирной истории вследствие «глобализации культур» и «интенсификации мирового сознания» (Робертсон), «европейской модернизации» (Гидденс) или развития мировой системы («мир-системы») капитализма (Ф. Бродель, И. Валлерстайн).

Впоследствии взгляд на глобализацию как всемирно-исторический процесс, берущий начало в далеком и относительно недавнем прошлом, получил развитие в работах Дж. Андерхилла, А. Аппадурои, З. Баумана, У. Бека, П. Бергера, Дж. Вильямсона, Р. Гейрмайна, Д. Гольдблатта, Дж. Дженсона, М. Каствельса, С. Лэша, М. Маклюэна, Э. Маркгрю, Дж. Миттельмана, А. Негри, Дж. Перратона, Л. Склэра, Дж. Сороса, Дж. Стиглица, К. О'Роурки, А. Ругмана, С. Хатингтона, Д. Хелда, Ф. Шлезингера и других иностранных авторов.

В России попытки связать глобализацию человечества с а) процессами эволюции Вселенной, формированием гео-, био- и социосферы планеты были предприняты в работах Н. Н. Моисеева, Э. А. Азроянца, А. П. Назаретяна, В. М. Хачатуряна и А. Н. Чума-

кова; **б**) циклически-волновыми процессами интеграции социально-политических образований — в работах В. В. Лапина и В. И. Пантина; **в**) формированием и взаимодействием мировых и локальных культур и цивилизаций — в исследованиях А. С. Ахиезера, И. А. Гобозова, П. К. Гречко, Г. Г. Дилигенского, В. В. Ильина, М. В. Ильина, И. Н. Ионова, В. М. Межуева, Е. Б. Рашковского, Н. В. Мотрошиловой, В. С. Степина, В. И. Толстых, В. Г. Федотовой, В. Г. Хороса, М. А. Чешкова, А. Н. Чумакова, В. А. Шупера, В. Л. Цимбурского, А. Д. Урсула и Ю. В. Яковца; **г**) со становлением мирохозяйственных связей, международного капитала и мировой системы капитализма — в работах А. В. Бузгалина, М. Голанского, М. Г. Делягина, В. Л. Иноземцева, А. И. Колганова, Э. Г. Кочетова, А. И. Неклессы, А. И. Уткина. Анализ наиболее распространенных теорий становления глобальной «мироцелостности» был осуществлен в исследованиях Г. П. Анилионис, Н. А. Зотовой, М. А. Чешкова, А. Н. Чумакова, А. И. Уткина. Основные идеи и аргументы этих и некоторых других авторов анализируются и сравниваются в монографии, хотя непосредственного тематического отношения к исследованию диалектики глобализации и национализма они не имеют.

Тематически (но не содержательно) более близкими к этой проблеме являются работы, в которых анализируются процессы столкновения идентичностей, перспективы «национальных государств» в условиях глобализации и «политические проекции» глобализации в обозримом будущем. Вопросы сущности, формирования, иерархии и смены идентичностей в современном мире изучены в работах Б. Андерсона, Э. Балибара, М. Биллига, П. Бергера, И. Валлерстайна, М. Гиберно, Т. Лукмана, А. Кувенховена, И. Ноймана, Ю. Хабермаса, Э. Эриксона, Ю. Г. Волкова, Н. К. Гвоздева, М. Н. Губогло, Л. Гудкова, А. В. Докучаева, Л. М. Дробижевой, М. В. Заковоротной, К. Н. Костюк, А. В. Журавского, Н. М. Лебедевой, И. Б. Орловой, Е. С. Суровой, Д. В. Тренина и некоторых других авторов. Проблема глобализации и власти, глобализации и национального государства интересно анализировалась в работах Э. Баумана, У. Бека, П. Дракера, Г. Киссенджера, Г-П Мартина, Х. Шумана, К. Омаэ, Р. Райха, Дж. Сороса, Г. Томпсона, П. Хирста, А. Л. Андреева, А. С. Блинова, А. А. Галкина, И. В. Данилевича, М. Г. Делягина,

А. Г. Дугина, А. А. Зиновьева, В. Л. Иноземцева, С. А. Караганова, А. А. Кара-Мурзы, Б. Ю. Кагарлицкого, О. А. Кардамонова, В. С. Малахова, А. С. Панарина, И. К. Пантина, В. В. Перской, В. С. Спиридонова, Р. И. Соколовой, В. Н. Шевченко, П. Г. Щедровицкого.

Теоретический дискурс о судьбе национального государства в условиях глобализации выстраивается по принципу «оптимисты» — «пессимисты». Последние доказывают, что национальное государство исчерпало свой исторический ресурс и выстраивают политические проекты грядущего «сетевое общества» (М. Кастельс), «мирового государства» (Т. Левит), «континентальных федераций» (А. Г. Дугин), «глобального гражданского общества» (Д. Дарендорф, Э. Гидденс), «глобального гражданства» (Ю. Хабермас, М. Эван), «общества множеств — рес-коммуны» (А. Негри, М. Хардт) или возглавляемой США «глобальной демократической империи» (Н. Фергюссон, П. Гречко).

В разноречивой литературе по проблемам глобализации есть по крайней мере одна точка соприкосновения: все согласны, что общепринятого понимания глобализации в социальных науках нет. По существу, отмечал еще в 1996 году Д. Маршалл, каждый автор вкладывает в этот термин собственный смысл³, содержание которого, добавим, варьируется в зависимости от идеологических предпочтений и дисциплинарной принадлежности автора. С тех пор ситуация не изменилась. Как остроумно заметили Р. Робертсон и Х. Хондкер, несмотря на все попытки дать определение «глобализации», серьезные исследователи мира как целого в исторической перспективе с трудом могут понять, чем они занимаются⁴. К примеру, в недавно изданной российской энциклопедии «Глобалистика» (2003) напечатаны семь содержательно разных статей под одним общим названием «глобализация». Возникла ситуация, когда в условиях крайней противоречивости и концептуального плюрализма научного дискурса произошла девальвация термина, позволившая некоторым исследовате-

---

³ Marshall D. Understanding late-twentieth-century capitalism: Reassessing the globalization theme // Government and opposition. L., 1996. Vol. 31, № 2. P. 214–215.

⁴ Робертсон Р., Хондкер Х. Дискурсы о глобализации: предварительные размышления // Глобализация: контуры XXI века. М., 2004, Ч. I. С. 128.

лям отождествить термин глобализация с научной метафорой⁵ и даже сравнить «теорию глобализации» с религиозной доктриной, ряд основополагающих тезисов которой принимается на веру, а самые авторитетные ее адепты обычно уходят от обсуждения принципиальных проблем, словно боятся нарушить какое-то идеологическое табу⁶. К числу таких принципиальных проблем В. Л. Иноземцев справедливо отнес вопросы о субъектах и движущих силах глобализации, которые в подавляющем большинстве исследований даже не ставятся.

Несмотря на то что систематическое изучение «национализма» имеет почти двухвековую историю, единства в понимании его сути, форм и эволюции здесь, пожалуй, еще меньше. В значительной мере это обусловлено тем, что национализм, по мнению многих, представляет собой наиболее универсальную и распространенную в современном мире идеологию. Но его трудно сравнивать с такими идеологическими течениями, как либерализм, консерватизм, социал-демократизм, и многими другими. Более того, история свидетельствует, что национализм совместим почти с любой (социалистической, либеральной, консервативной и др.) идеологией, лишь бы она, по мнению его носителей, способствовала формированию или процветанию нации. С этой точки зрения национализм представляет собой «субидеологию», важный, но не единственный элемент всякой влиятельной идеологии. В то же время его можно квалифицировать и «как «суперидеологию», которая может вместить в себя любой социально-политический проект»⁷. Но в отличие от идеологий «национализм» как таковой не имеет собственной теории, каких-то общих постулатов, своих классиков (хотя многие претендуют на этот статус) и существует не как особое общественно-политическое течение, а исключительно как категория, применяемая для обозначения национализмов разных народов, стран и даже отдельных

---

⁵ «Термин “глобализация” является метафорой, придуманной для выяснения смысла и понимания природы современного капитализма...» (Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001. С. 9.)

⁶ Иноземцев В. Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 58.

⁷ Сергеев С. М. Русский национализм и империализм начала XX века. В кн.: Нация и империя в русской мысли начала XX века. М., 2004. С. 10.

социально-политических группировок. Отличается национализм также своей огромной притягательной силой для миллионов людей, побуждающей их нередко жертвовать всем, даже жизнью, ради национальных идеалов. Массовость и распространенность национализма, его многообразие и огромный мобилизующий потенциал стимулируют пристальное внимание обществоведов к этому феномену общественной жизни (и, соответственно, обилие литературы), появление множества подходов и оценок, а также полемический характер многих исследований на тему национализма, число которых вряд ли можно точно определить.

История изучения национализма преимущественно берет начало в XIX столетии — эпохе революций, формирования основных европейских наций, подъема национально-освободительных движений и формирования национальных государств в Европе и Латинской Америке — и связана с именами И. Г. Гердера, И. Г. Фихте, Ф. Шлегеля, Г. Гегеля, К. Маркса, Мозера, Дж. Ст. Милля, Ф. Мейнеке, Э. Ренана, Р. Неймана, Г. Трейчке, М. Вебера, Отто Бауэра, К. Каутского, З. Фрейда, Э. Дюркгейма и многих других выдающихся западно-европейских мыслителей и ученых. Параллельно с ними в имперской России проблемы сущности и различий «национализма» и «патриотизма» оказались сначала в центре внимания традиционалистской (славянофильской) и либеральной публицистики, историков «государственной школы» (С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина), социологов и этнопсихологов (К. Д. Кавелина, М. М. Ковалевского и Г. И. Челпанова), а позже были исследованы в трудах Вл. Соловьева, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, С. Н. Трубецкого, Д. Д. Муретова, Л. А. Тихомирова, И. А. Ильина, Г. П. Федотова, П. Б. Струве, В. В. Розанова, А. С. Изгоева, П. И. Ковалевского, С. А. Котляревского, П. Н. Савицкого, Н. В. Устрялова, М. О. Меньшикова, С. М. Широкогорова, Г. Г. Шпета и многих других менее известных авторов. Свой вклад в дело исследования права наций на самоопределение и национализма внесли теоретики российской социал-демократии В. И. Ленин, Р. Люксембург, А. В. Луначарский, И. В. Сталин и другие марксисты.

После революции 1917 года и дискуссий начала 1920-х годов в советском общественном сознании, вплоть до периода перестройки изучение наций и национализма осуществлялось

преимущественно в русле догматического теоретизирования: «национальный вопрос» в сталинском и брежневском СССР считался практически и теоретически решенным. И хотя в некоторых работах советских исследователей были получены имеющие научную значимость результаты, в целом отечественное общественное сознание вплоть до начала 1990-х годов оказалось выключено из магистральной линии международного теоретического дискурса о нациях и национализме, проигрывая в объективности и качестве зарубежным исследованиям.

Последние продолжали развиваться в 1920–1930-е годы, особенно интенсивно — после Второй мировой войны, одним из итогов которой стал начавшийся значительно ранее распад мировой системы колониализма, сопровождавшийся всплеском национализма народов Азии и Африки. Вплоть до начала 1960-х годов магистральная линия эволюции теоретических представлений о национализме была связана с «историческим направлением» исследований национализма, выразившим себя в работах сравнительно-исторического и историографического плана К. Хэйза, Г. Кона, Б. Шефера, М. Гроха, Т. Шидера, О. Лемберга, Э. Хаана, обративших внимание современников на реальное многообразие исторических типов национализма. В то же время, как и многие их современники (Г. Айзекс, А. Коббан, Э. Карр, У. Конор, Л. Снайдер, Ф. Хертц и др.), они, подчеркивая значение исторических символов и традиций, усматривали сущность национализма в социальной (групповой) психологии людей, вынося за скобки исследования изучение экономических, социальных, политических и культурных условий бытия, интегрированных в этнические сообщества индивидов, изменение которых в XVIII–XIX столетиях вызвало к жизни такое сложное явление, как многоликий национализм.

Важной вехой на пути преодоления этих — субъективно-символических — трактовок национализма в тот период стали работы Карла Дойча и Эли Кедури, а чуть позже — капитальный труд Энтони Смита «Теории национализма» (1971), обобщивший существовавшие к 1970 году концепции национализма, и программная статья «Национализм» и последующие работы Эрнеста Геллнера, прервавшие монополию историков на изучение национализма и подготовившие «теоретическое» (междисциплинарное) направление исследований,

иногда именуемое «национализмоведением». Теперь национализм интерпретировался как многоплановое историческое явление, представленное в многообразии духовных и предметно-практических воплощений. Одновременно с выходом в 1983 году монографии Э. Геллнера «Нации и национализм» увидели свет книга Б. Андерсона «Воображаемые сообщества» и сборник статей под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Рэйнджера «Изобретение традиции», радикально изменивших исследовательскую ситуацию. После них, отмечают исследователи, стало невозможно писать о национализме так, как о нем писали раньше. Идеи, содержащиеся в этих работах, впоследствии на разном идейно-теоретическом фундаменте были использованы, развиты и, конечно, подвергнуты критике в исследованиях У. Альтерматта, Р. Брубейкера, Э. Балибара, П. Брасса, Дж. Бройи, Х. Бхабха, И. Валлерстайна, П. Ван дер Берга, К. Ведери, А. Гастингса, Э. Гидденса, К. Гирца, Д. Горювита, Р. Гриффина, Т. Р. Гэрра, М. Канна, Ф. Джеймисона, М. Манна, Рене Монза, К. Оффе, Э. Д. Смита, Д. Шнаппера, Г. Шоплина, А. Умланда, Й. Файхтингера, Ю. Хабермаса, С. Хаттингтона, К. Хюбнера, М. Гроха, П. Чартерджи и Т. Эриксона.

В конце 1980-х — первой половине 1990-х годов работы некоторых из этих исследователей оказали значительное влияние на российских философов и политологов, многие из которых активно включились в дискуссии об этнонациональном обустройстве России. В этот период интерес отечественных исследователей концентрировался преимущественно на проблемах взаимосвязи национализма с процессами формирования и развития «этносов» и «наций», «национального сознания» и этнической идентичности. В работах Р. Г. Абдулатипова, В. А. Авксентьева, С. А. Арутюнова, Л. Ф. Болтенковой, Ю. М. Бородая, Ю. В. Бромлея, А. А. Гуссейнова, Л. Н. Гумилева, Г. Г. Дилигенского, В. М. Межуева, М. П. Мчедлова, В. И. Козлова, А. С. Панарина, И. К. Пантина, Н. Н. Седовой, В. А. Тишкова, В. И. Толстых, Ж. Т. Тощенко, В. Н. Шевченко, Ю. А. Шипкова, С. В. Чешко, И. Г. Яковенко и других специалистов эти проблемы стали предметом активного обсуждения. Позже список авторов, анализирующих основные зарубежные концепции национализма, взаимосвязь национализма с «этнолизмом» и «национальным сознанием», соотношение понятий «раса»,

«этнос» и «нация» пополнился именами В. Б. Авдеева, А. Р. Аклаева, Ю. В. Арутюняна, Ю. А. Гаврилова, Л. Г. Ионина, А. Кольева, В. В. Коротеевой, С. В. Лурье, А. О. Миллера, М. О. Мнацаканяна, В. С. Малахова, А. Н. Малинкина, О. Михневича, О. Ю. Морковцевой, Е. Ф. Морозова, А. Н. Савельева, А. Н. Севастьянова, В. Д. Соловья, Г. У. Солдатовой, Г. В. Старовойтовой, З. В. Сикевич, А. А. Сусоколова, Т. Л. Полянникова, П. И. Пучкова, Т. Ю. Сидориной, Е. А. Троицкого, А. Г. Шевченко, В. Г. Федотовой, А. И. Элеза, В. Япринцева и некоторых других. Но среди работ отечественных авторов них нет ни одной, где бы «национализм» рассматривался как вызванный и связанный с глобализацией исторический феномен и, в этом качестве, как предмет социально-философского анализа. Большинство исследований национализма в последние годы осуществляется в пределах политических, социологических, этнопсихологических и культурно-антропологических (этнологических) исследований.

В этих условиях любому, кто возьмется анализировать взаимодействие глобализации и национализма в истории и современности, придется сделать выбор: либо присоединиться к одной из уже существующих теоретических трактовок этих сложных исторических феноменов, либо, проанализировав их, предложить собственные, в нашем случае — социально-философские интерпретации. Второй путь, по моему мнению, более перспективен, но и более сложен, так как влечет за собой необходимость экспликации, типологизации и последующего сравнительного анализа методологии, объяснительных возможностей и ограничений конкурирующих в общественном сознании многочисленных дисциплинарных и комплексных подходов (стратегий) к определению сущности, формирования и эволюции глобализации, наций и национализма. Если исследования этнонационального дискурса проводились неоднократно, то типологизация и философско-методологический анализ концепций глобализации в отечественной литературе не осуществлялись⁸. И это,

---

⁸ Исключение составляет монография Г. П. Аналиониса и Н. А. Зотовой «Глобальный мир: единый и разделенный. Эволюция теорий глобализации» (М.: «Международные отношения», 2005. 676 с.), где подробно рассмотрены преимущества «системных» и фрагментарно-«модернистских» и «постиндустриалистских» концепций глобализации, но ничего не сказано о философских основаниях, методологических ограничениях и недостатках этих

вместе с необходимостью развенчания весьма распространенного в социальных науках философского нигилизма и устранения барьеров в научной коммуникации, стало побудительным мотивом обращения авторов к проблеме, определило замысел и структуру настоящей работы.

Автор исходил из рабочей гипотезы о том, что обнаружить и проанализировать противоречивую взаимосвязь глобализации и национализма в новой и новейшей истории в полной мере можно лишь в пределах философского исследования, способного выявить субстанциональное (онтологическое) и субъектное единство этих явлений и процессов. Помимо этого философский анализ дает возможность теоретически адекватно выразить социально-историческую сущность, становление и эволюцию этих сложных объективно-субъективных исторических феноменов, различить (наряду с другими) понятийно-логические (дискурсивные) формы бытия и познания глобализации и национализма и их предметно-практические, исторически конкретные воплощения с одной стороны и теоретические и исторические формы их диалектики, с другой. В соответствии с этим предположением был сформулирован замысел и определена структура данной работы: используя результаты философско-методологического анализа многочисленных научно-рациональных дискурсов о глобализации и национализме, обосновать продуктивность применения социально-философской — трансдисциплинарной — интерпретации понятий «глобализация» и «национализм», позволяющей осуществить теоретическую реконструкцию основных стадий и исторических форм глобализации, последующий анализ исторической диалектики выросшей из западноевропейской евро-атлантической исторической формы глобализации и сопутствующего ей национализма в XVII–XX столетиях, результаты которого, в свою очередь, позволяют прогнозировать характер взаимодействий этих тенденций в обозримом будущем XXI века.

расположенных на перекрестье экономики и социологии теорий. Последнее не случайно, так как авторы сами придерживаются «мир-системного» социально-экономического подхода, в соответствии с которым «все характерные особенности глобализации объясняются особой ролью капитализма, выступающего в качестве единственной господствующей общественной системы» (с. 432–433).

В соответствии с этим в первой главе «Глобализация и ее трактовки» анализируются проблемы типологии глобализационного дискурса, эксплицируются основные типы концепций глобализации, выявляются их парадигмальные и методологические основания, объяснительные возможности и ограничения, обсуждается междисциплинарный статус понятия «глобализация» и социально-философское содержание этой дефиниции. По моему мнению, выход в сферу социальной философии и, шире, философии истории, означает недопустимость изучения глобализации вне связи с эволюцией интересов (потребностей), мировоззрений и форм сознания взаимодействующих пространственно локализованных коллективных субъектов истории, подвергающихся в процессе миграций, торговых, финансово-экономических, военно-политических и духовно-культурных взаимодействий разнообразным трансформациям и поглощениям, в ходе которых образуются новые, численно и пространственно более крупные социальные, политические и социокультурные антропосоциальные целостности: объективно и субъективно символически интегрированные в «общества» (социумы), «государства» и «цивилизации» объединения индивидов.

Известная нам история — нелинейный процесс обуславливающих друг друга тенденций дифференциации и интеграции образующих человечество антропосоциальных целостностей, его (человечества) структурного усложнения и одновременно становления его целостности и единства. Глобализации реализуется через интеграционные процессы. А значит, может быть интерпретирована как мегатенденция к поэтапному объединению цивилизационно, экономически, культурно, политически и иначе разделенного человечества в потенциально возможную глобальную (планетарную) общность, воплощенная в череде предметно-практических и духовных попыток организации/реорганизации внешнего и внутреннего социального (экономического, политического и иного) пространства совместной жизни интегрированных и интегрирующихся в социумы («роды», «племена», «этноты», «нации»), государства и цивилизации индивидов. Соответственно, формирование, трансформация и географическое распространение социальных общностей (социумов) имманентно глобализации человечества, выражая

и значительную часть содержания, и субъектную составляющую этого процесса. Поэтому в ходе анализа глобализации нельзя игнорировать вопрос о формировании и эволюции «этносов», «наций», «национальных государств» и сопутствующего их становлению «национализма». Следуя предложенной интерпретации глобализации и заявленной логике исследования, мы должны включить этногенез, формирование, развитие и экспансию наций и национализма во всемирно исторический процесс глобализации человечества, реализуемый как последовательность сменяющих друг друга стадий и как совокупность сосуществующих и сменяющих друг друга исторических форм. Но, поскольку в научном сообществе отсутствует единство взглядов о том, что собой представляют «этноты», «нации» и «национализм», необходимо прервать анализ и уточнить содержание этих дефиниций.

Вторая глава монографии «Нации и национализм» посвящена решению этой задачи. В ней рассматривается эволюция понятия «нация» в истории философии и науки XVIII–XIX веков, его современные трактовки, эксплицируются, анализируются и сравниваются основные концепции «наций» и «национализма», предлагается авторская — социально-философская — интерпретация сущности наций и национализма, выделяются виды и типы национализма. Акцентируя внимание на необходимости рефлексии над способами существования и познания социальных явлений и процессов, автор приходит к выводу о необходимости использования восходящей к классическому марксизму парадигмы современного социально-философского конструктивизма, в пределах которой «нация» и «национализм» понимаются как парные понятия и фиксируемые ими исторические феномены, которые возникли при определенных социальных (экономических, политических и иных) обстоятельствах и в результате целесообразных предметно-практических и интеллектуально-духовных усилий людей, осознавших потребность новых форм общественного бытия.

В этом случае «нации» продуктивно интерпретировать как сплоченные общими чувствами идентичности и солидарности, связанные общими ценностями прошлого и настоящего, политически и социокультурно организованные (интегрированные) полиэтнические социумы, диалектически «снимающие»

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru